

НАУЧНЫЕ НОМИНАЦИИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Дихотомия «язык–речь» еще со времен Ф. де Соссюра определила два направления в изучении лингвистики: одно из них исследует феномен языка как абстрактной, общей системы, другое – речь, в которой происходит реализация этой системы. С одной стороны, речь противопоставлена языку: язык – система знаков, речь – ее реализация; язык абстрактен и воспроизводим, речь материальна, конкретна и неповторима; язык – уровневая организация, речь – линейная (последовательность слов); язык сохраняет отдельность слов, речь стремится к их слиянию в потоке речи; язык стабилен, речь подвижна; язык фиксирует опыт коллектива, речь – индивидуума; язык объективен и императивен (обязателен), речь субъективна и произвольна и т.д. С другой стороны, между ними наблюдается диалектическое взаимодействие: речь является единственной формой существования языка. Как отмечает А. Н. Савченко в работе «Речь и язык» [1985], последователи Ф. де Соссюра (Л. Ельмслев, Н.С. Трубецкой, Л.В. Щерба, В.А. Звегинцев, Н.А. Слюсарева и др.) считают язык и речь разными явлениями, тесно и неразрывно связанными между собой. Однако существует и другая точка зрения, которой придерживаются Т. П. Ломтев, Б.А. Серсбренников, Г. В. Колшанский и др. В их представлении язык и речь есть только разные стороны одного и того же явления: язык – система знаков, речь – функционирование этой системы. Тем не менее, как представляется, и те, и другие признают неразрывную связь языка и речи.

Дихотомии «язык–речь» соответствует, на наш взгляд, дихотомия «термины языка – термины речи». Терминология любой отрасли науки и техники является основным средством коммуникации людей в рамках научных, учебных и профессиональных коллективов. Б. Н. Головин в статье «О некоторых проблемах изучения терминов» [1972, с.53] писал о целесообразности обращения к изучению терминоиспользования, чтобы увидеть «функционально-речевую неподвижность терминосистем, меняющую их границы и функции, их условность и осмыслить изменение степени терминологичности профессионально применяемых слов и словосочетаний, изменение значений терминов и их значимости в терминологических рядах». В дальнейшем, углубляясь в теорию терминологии, Б. Н. Головин выдвигает положение о терминах языка и терминах речи.

В докторской диссертации «Лексика языка науки» В. П. Даниленко предлагает свои термины «сфера фиксации» и «сфера функционирования», которые начали активно употребляться терминологами. Сфера фиксации представлена отраслевыми терминологическими словарями, сборниками рекомендуемых терминов, терминологическими ГОСТами и другими терминологическими материалами нормативного характера. К сфере функционирования, как правило, относятся научные монографии, специализированные периодические издания, специальные рекламные тексты и т.п.

По мнению С.В. Гринева, в терминологии постепенно проявляется и закрепляется тенденция к систематизму, т. е. осуществляется поиск системообразующих факторов единства терминологического языка и терминологической речи, или, иными словами, обнаружение системности терминологии на эмпирическом (языковом) и этическом (речевом) уровнях [1883, с. 24].

Таким образом, термин как номинативная единица специальных понятий принадлежит и языку, и речи.

Следует обратить также внимание на то, что словарный запас языка активно пополняется, чему способствует переход в общелитературную лексику терминов различных отраслей науки и техники. Появление в последнее время новых реалий обусловило проникновение в язык разного рода заимствованных терминов: *таймер, рейтинг, ротация, полтергейст, имидж, менеджмент, принтер, фликер, монитор, блоги, презентация* и многих других. Как отмечает Г.Я. Солганик в статье «Роль журналистики в развитии и обогащении языка» [1984, с. 59], новые номинативные единицы фиксируются, как правило, сначала в текстах СМИ. Главенствующее положение газетно-публицистического стиля в системе функциональных стилей литературного языка обуславливает высокую активность языка газеты, а взаимодействие со всеми функциональными стилями превращает его в своеобразную массовую лабораторию по производству новых средств языка. Следует заметить, что сегодня роль СМИ в формировании языка, его лексического состава значительно возросла.

Многие термины, функционирующие в речевом потоке газетной полосы, не зафиксированы словарями, т. е. не вошли в состав кодифицированного языка. В основном это заимствования, экспансия которых заметно активизировалась и приводит к нарушению принципа заимствования, сформулированного Л. В. Щербой. Суть этого принципа заключается в функциональной целесообразности включения иностранного слова в лексический состав языка.

Заимствования зачастую являются причиной возникновения дублетных наименований, что затрудняет их понимание и в какой-то мере ограничивает функциональные возможности. Например, *сотовый телефон* и *мобильный телефон*. Этими терминами называют один и тот же вид беспроводной (бескабельной) связи.

Случается, что по какой-либо причине та или иная номинация не устраивает кого-либо из носителей языка, и тогда начинается поиск слова-термина для названия данной реалии.

Примечательной в этом плане, на наш взгляд, является заметка в «КП» от 21–27 сентября 2006 г. под заголовком «Белорусы придумали слово «мобильник» на мове». Позволим себе процитировать ее полностью: *Леонид Дранько-Майсюк, автор песни «Полька Белорусская»: я не «говорю по мобильному», а «далькажу па далькажыку». Поэт очень горд тем, что придумал белорусское название для мобильного – «далькажык», по принципу «далёка казачь».*

«Неяк пісаў апавяданне "На Каляды, на Каляды, —" — кажа Дранько-Маісюк. — Трэба было ўжыць выраз "сатэлітны тэлефон". А дужа мне гэты выраз не падабаўся! Спачатку я прыдумаў на замену "ручны тэлефончык", а потым — "далькажык". І я ўсіх вучу так казаць. У хаце рабілі рамонт цудоўныя жанчыны-маляркі. Дык і яны за месяц навучыліся казаць "далькажык". А «поговорить по мобільніку» я перакладаю як "падалькажыць па далькажыку".»

Распространение научно-технической терминологии, ее проникновение в разные сферы жизни нередко приводят к тому, что в языке наряду с процессом терминологизации общеупотребительных слов наблюдается и обратный процесс — детерминологизация, т. е. освоение терминов литературным языком, в результате чего они из разряда узкоспециальных номинаций переходят в разряд общеупотребительных. К таким словам можно отнести следующие: *аргумент, мышление, понятие, сознание, концерт, сюжет, стиль, аккумулятор, контакт, реакция, резонанс, анализ, авитаминоз, диагноз, иммунитет, рентген, капрон, комбайн, конвейер, мотор, фильтровка* и др.

В речевом потоке, оказываясь в контексте с общеупотребительными словами, термины иногда приобретают коннотативную семантику и метафоризируются: *редуцироваться до исчезновения, инфляция слов, анатомия любви, склероз совести* и т.п. И все же чрезмерное употребление в речи терминов, особенно заимствованных, снижает культуру общения.

За чистоту русского/белорусского языков ратуют не только те, кто по роду своей деятельности призван это делать, но и те, кто, казалось бы, далек от филологии, однако кому не безразлична правильность родной речи. Так, инженер М.М. Цимберов, обеспокоенный засильем иностранных слов, пишет письмо на кафедру русского языка, в котором есть такие строки: *«Мы, белорусы и русские, уничтожаем свой родной язык, следуя весьма странной моде употреблять иностранные слова без надобности. то есть в тех случаях, когда для обозначения понятий и предметов есть слова родного языка».*

Таким образом, эволюция языка и речи, происходящая под влиянием цивилизационных процессов, требует серьезного осмысления с целью направления ее в нужное русло, чтобы избежать негативного ее проявления.